

УДК 327

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_2_91

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ЯПОНИИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Сергей Александрович Зарянский,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
zaryanskysergey@gmail.com

Статья поступила в редакцию 13.05.2021, принята к публикации 30.06.2021

Для цитирования: Зарянский С.А. Современное состояние «мягкой силы» Японии: достижения и проблемы // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 2. С. 91–110. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_91

Аннотация

«Мягкая сила» является одним из ключевых оснований современной внешней политики Японии. В связи с этим целью исследования является изучение данного феномена на современном этапе, а также прогнозирование его развития в будущем с учетом положительных и отрицательных тенденций. Актуальность исследования обусловлена не только общемировыми трендами перехода к более гибким внешнеполитическим инструментам, но и целым рядом относительно недавних изменений в международном пространстве: от усиления «зеленой повестки» до пандемии COVID-19. В работе рассматриваются важнейшие инструменты «мягкой силы» Токио: культура, международное взаимодействие, государственное управление и участие неправительственных акторов в создании образа Японии. Методологически исследование опирается на системы показателей «мягкой силы», разработанные компаниями *Portland* и *Brand Finance*. Кроме того, используется системный подход, подразумевающий четкую причинно-следственную связь изменений в одной части комплексного феномена с иными элементами, а также и характером самого явления. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении ранее неотмеченных в дискурсе исследований «мягкой силы» особенностей Японии, способных повлиять на возможности проведения «мягкой» политики сегодня и в будущем. Автор

© Зарянский С.А., 2021

приходит к выводу о сохранении Японией своих лидерских позиций в мире посредством «мягкой силы». Страна восходящего солнца активно использует богатую культурную традицию и не забывает при этом о современных тенденциях мирового развития, внедряя их в «мягкую» политику. В то же время в статье выделяются факторы, способные пошатнуть мощь «мягкой силы» Токио: отношение к иностранцам и мигрантам, экологические проблемы, сравнительно высокая степень дисфункции демократических институтов и некоторая противоречивость японской политики. Это, по мнению автора, может оказать существенное негативное влияние на образ страны в обозримом будущем.

Ключевые слова:

Япония, «мягкая сила», культурная дипломатия, культурный национализм, социальная дискриминация, языковая политика, национальный бренд, экология, индустрия развлечений.

UDC 327

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_2_91

CONTEMPORARY “SOFT POWER” OF JAPAN: ACHIEVEMENTS AND PROBLEMS

Sergey A. Zaryansky,

Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
zaryanskysergey@gmail.com

Article received on May 13, 2021, accepted on June 30, 2021

For citation: Zaryansky, S.A. (2021). Contemporary “Soft Power” of Japan: Achievements and Problems. *Scientific journal “Discourse-P”, 18(2)*, 91-110. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_91

Abstract

“Soft power” is one of the key foundations of Japan’s modern foreign policy. In this regard, the purpose of the article is to study this phenomenon at the present stage, as well as to predict its development in the future, taking into account positive and negative trends. The relevance of the research is due not only to global tendencies of transition towards more flexible foreign policy instruments, but also to a number of relatively recent changes in international relations: from the rise of the “green agenda” to the COVID-19 pandemic. The article examines the most important tools of Tokyo’s “soft power”: culture, international cooperation, governance and participation of non-governmental actors in creating

the image of Japan. Methodologically, the research is conducted on the basis of “soft power” indices systems developed by Portland and Brand Finance companies. In addition, the study is based upon a systemic approach, implying a clear causal relationship between changes in one part of a complex phenomenon with its other elements, as well as the nature of the phenomenon itself. The scientific novelty of this research is attributed to consideration of Japan’s peculiarities, previously unnoticed in the discourse of “soft power” studies, which may influence the possibilities of Japan’s “soft” policy both today and in the future. The author comes to the conclusion that Japan retains its leading positions in the world through “soft power” capabilities. The Land of the Rising Sun is actively using its rich cultural tradition and introducing modern trends in its development into “soft” policy. At the same time, there are factors that can damage Tokyo’s “soft power”: the attitude towards foreigners and migrants, environmental problems, a relatively high degree of dysfunction of democratic institutions and some controversies of Japanese politics. This, according to the author, can have a significant negative impact on the country image in the foreseeable future.

Keywords:

Japan, “soft power”, cultural diplomacy, cultural nationalism, social discrimination, language policy, nation brand, ecology, entertainment industry.

Введение

Япония всегда представлялась наблюдателям извне (не только европейцам, но и собственным соседям) страной тайн, загадок и несметных богатств наравне с Индией. Понимая сложившийся вокруг нее миф, Страна восходящего солнца активно использовала свой образ при взаимодействии с различными государствами и регионами мира.

С середины XX в. в силу различных исторических обстоятельств, главным из которых видится капитуляция страны, Токио пришлось практически полностью положиться на использование того, что впоследствии Дж. Най назовет «мягкой силой». Интересно, что автор данной концепции и сам выделяет Страну восходящего солнца в качестве лидера азиатских держав по возможностям использования «мягкой силы» (Nye, 2005, pp. 85–88). Благодаря японской самобытности и лестной характеристике известного представителя академического сообщества, исследуемая тема не утрачивает своей актуальности и по сей день.

Актуальность темы обуславливается также общемировыми тенденциями перехода к более гибким инструментам проведения внешней политики и выстраивания долгосрочной стратегии действий государств. Особенно интересным данный феномен кажется в связи с крупными изменениями, которые произошли с 2015 по 2020 гг.: от усиления «зеленой» политической повестки в международных отношениях до пандемии COVID-19, что оказало серьезное влияние не только на жизнедеятельность человека и государства, но и на идею «мягкой силы» в целом.

Несмотря на все перемены, Япония не только смогла сохранить свой потенциал, но и приумножить его, о чем можно судить по целому ряду междуна-

родных рейтингов и оценок. Однако многие элементы ее «мягкой силы» остаются не только проблемными, но и несут угрозу распространению позитивного образа и проведению внешней политики страны. В связи с этим целью настоящего исследования является выявление наиболее эффективных инструментов «мягкой силы» Японии, прояснение степени их влияния на образ страны, а также прогнозирование тенденций развития изучаемого феномена с учетом заложенных в нем противоречий и малоизученных особенностей.

В исследовании будут рассмотрены такие параметры «мягкой силы» Страны восходящего солнца, как культура (спорт, кухня, ценности); международное взаимодействие в области экологии и образования, в том числе в сфере распространения японского языка в мире и английского языка в Японии; государственное управление, прежде всего функционирование демократических институтов.

Методология исследования опирается на системы оценки возможностей «мягкого» воздействия государств, разработанные компаниями *Portland* и *Brand Finance*. Наиболее важными в отношении Японии пунктами данных систем представляются культура, образование и бизнес, государственное управление и международное взаимодействие, а также борьба с последствиями пандемии COVID-19. Кроме того, используется системный подход, с точки зрения которого изменения в одной области комплексного феномена неизменно влекут за собой перемены не только составных частей «мягкой силы», но и характера данного явления в целом.

Источниковую базу исследования составляют официальные документы правительства Японии, относящиеся к проведению политики «мягкой силы» в понимании Дж. Ная; материалы неправительственных организаций, выступающих в качестве внешнеполитических инструментов Токио; публикации международных и национальных СМИ, освещающих связанные с исследуемым феноменом события; материалы ряда корпораций, исследующих явление «мягкой силы» в целом; работы некоторых исследователей смежных научных направлений.

Основополагающие принципы и сильные стороны «мягкой силы» Японии

На текущий момент Япония является одним из мировых лидеров по возможностям и результатам применения «мягкой силы». Так, по данным агентства *Portland* за 2019 г. она занимает 8-е место в списке держав, активно использующих основанные на привлекательности образа государства инструменты в своей политике¹. Несколько отличается оценка компании *Brand Finance*, которая по схожему набору показателей поместила в 2021 г. Японию на 2-е место в мире². Иную оценку «мягким» возможностям данной страны дает *Anholt Ipsos*

¹ *The soft power 30. Japan* (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from <https://softpower30.com/country/japan/>

² *Brand Finance's global soft power index 2021* (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from <https://brandirectory.com/globalsoftpower/download/brand-finance-global-soft-power-index-2021.pdf>

Nation Brand Index, переместивший ее с 5-го места в 2019 г. на 4-е место в 2020 г. по показателям известности в мире, т. е. по эффективности использования одного из инструментов «мягкой» политики, а значит, и возможностям продвижения страны в качестве своеобразного «бренда»³. Все это свидетельствует о твердом положении Японии в качестве одного из мировых лидеров в отношении исследуемого феномена, а также о тенденции к усилению данных возможностей.

Следует начать рассмотрение «мягкой силы» Японии с ее наиболее сильных сторон. Одним из оснований данного феномена выступает культура, что отмечается не только отечественными (Королев, Кудрявцева, 2014; Русакова, 2013, 2015; Чугров, 2015; Шакиров, 2014), но и зарубежными специалистами (Farina, 2018; Heng, 2014).

Важной вехой в правительственном развитии данной области стало принятие в 2001 г. «Основного закона о продвижении культуры и искусств»⁴. С этого времени внешнеполитическая деятельность Токио с применением инструментов «мягкой силы» отвечала основным положениям и идеям, заложенным в документе. Так, в рамках закона была выделена важная роль неправительственных акторов – корпораций и региональных сообществ – в распространении культуры внутри и вне страны, подчеркивалась важность культурного наследия, образования и языка в качестве оснований для любых действий в области развития культуры. Помимо этого, была отмечена особая роль государственных институтов в данном процессе, а также необходимость совершенствования инфраструктуры для проведения любой деятельности как правительственных, так и неправительственных агентов в данной области. Последняя ревизия закона была произведена в 2017 г.

В качестве основного нововведения Токио в рамках указанного направления можно считать принятие в 2018 г. «Плана по продвижению культуры и искусств»⁵. Данный законодательный акт является отражением осознания правительством Японии важности продвижения культуры страны для улучшения ее образа в мире. Временные рамки его реализации установлены на период с 2018 по 2022 гг. Документ содержит 4 основных идейных направления и 6 стратегий развития культуры Страны восходящего солнца, которые и будут рассмотрены далее. В рамках оценки возможностей «мягкой» политики Японии особенно важными являются идеи о развитии международного культурного взаимодействия, создании региональных площадок для продвижения кооперации в этой области, а также защиты уникальных черт японской культуры на национальном и глобальном уровнях.

³ Ipsos Nation Brand Index survey findings: Press release (2020, October 30). Retrieved April 15, 2021, from https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2020-10/ipsoske_nation_brand_index_survey_findings_press_release_30th_october_2020.pdf

⁴ 文化庁 [Agency for Cultural Affairs]. 文化芸術の振興に関する基本的な方針 (平成十四年十二月十日閣議決定) [Basic policy of promotion of culture and arts. Government decision on 10 December, 2002] (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from https://www.bunka.go.jp/seisaku/bunka_gyosei/hoshin/kihon_hoshin_1ji/index.html

⁵ 文化庁 [Agency for Cultural Affairs]. 文化芸術推進基本計画 [Culture and arts basic promotion plan] (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from https://www.bunka.go.jp/seisaku/bunka_gyosei/hoshin/pdf/r1389480_01.pdf

Одним из результатов реализации плана можно считать проведение в 2019 г. первой общенациональной культурной выставки *Japan Cultural Expo*. На ее официальном сайте⁶ указано, что одной из основных целей данного мероприятия является продвижение традиционной японской культуры в самой Японии и за рубежом. Важно отметить, что в рамках выставки представлены не только явления сугубо японской культуры, но и уникальные черты народов, когда-то обильно населявших современную территорию страны, например, айнов – коренного населения северной части о. Хонсю, о. Хоккайдо, ряда островов Курильской гряды, а также южной части о. Сахалин. Подобное отношение к культурному наследию отражает важность и значимость уникальных черт Японии в рамках «мягкой силы».

Интересно, что эти нововведения так или иначе перекликаются с темой Олимпийских игр, которые должны были пройти в Японии в 2020 г. В каждом из описанных выше инструментов «мягкой силы» прослеживается трепетное отношение Токио к этому мероприятию. Причиной подобных взглядов следует считать уникальность данного механизма: он не только позволяет привлечь внимание огромных масс людей по всей планете к спортивным мероприятиям, но и к странам, где проводятся соревнования.

Олимпийские игры 2020 должны были стать для Японии поистине триумфальным событием. Во-первых, второй раз в истории японский национальный вид спорта – каратэ (яп. 空手道, каратэ-до) – должен был быть представлен в качестве олимпийской дисциплины⁷. Во-вторых, количество и качество подготовительных мероприятий находилось на высоком уровне. Так, в рамках процесса подготовки к проведению соревнований был полностью перестроен Национальный олимпийский стадион – место проведения Олимпиады 1964⁸. Также было усилено качество преподавания английского языка, речь о котором пойдет далее, и меры популяризации конкретно Олимпийских игр в Токио, примером чего может служить обширная кампания по привлечению иностранных волонтеров⁹. Показателем оценки трудов Страны восходящего солнца может служить замечание президента МОК Т. Баха: «Я могу с уверенностью сказать, что никогда не видел города, настолько подготовленного к проведению Олимпийских игр за год до них, как Токио»¹⁰. Однако из-за начала пандемии COVID-19 было принято решение отложить это мероприятие до 2021 г., в связи с чем оценить

⁶ 日本博 [Japan Cultural Expo]. 日本博について [About Japan Cultural Expo]. Retrieved April 15, 2021, from <https://japanculturalexpo.bunka.go.jp/>

⁷ IOC approves five new sports for Olympic Games Tokyo 2020 (2016, August 3). Retrieved April 15, 2021, from <https://www.olympic.org/news/ioc-approves-five-new-sports-for-olympic-games-tokyo-2020>

⁸ Olympic stadium (n.d.). Retrieved April 15, 2021, from <https://tokyo2020.org/en/venues/olympic-stadium>

⁹ EF Education First: “Education has the power to save the world” (2019, September 5). Retrieved April 15, 2021, from <https://tokyo2020.org/en/news/education-first-power-to-save-the-world>

¹⁰ Olympics: Year before Games, Tokyo better prepared than any city before – IOC (2019, July 24). Retrieved April 15, 2021, from <https://www.reuters.com/article/us-olympics-2020-1ytg-progress-idUSKCN1UJ0VL>

подготовительный процесс и его результаты (до непосредственного проведения мероприятия) объективно не представляется возможным.

Все перечисленные явления можно отнести к «традиционно» поддерживаемым Японией сферам «мягкой силы». Иной характер носит инициатива *Cool Japan*. С момента своего появления в 2012 г. данная концепция продолжает интересовать исследователей. Ключевой идеей является построение привлекательного образа страны именно для зарубежных наблюдателей при помощи наиболее современных инструментов. Интересно, что основными драйверами данного процесса должны стать анимэ, манга (комиксы), компьютерные игры, жанр музыки *J-pop*, роботы и иные феномены, особенно популярные среди молодежи по всему миру (Чугров, 2015, с. 62–65). Таким образом, помимо направленности за пределы Японии, объектом воздействия концепции *Cool Japan* выступает преимущественно молодое население, что довольно эффективно в долгосрочной перспективе – положительный образ Японии, сложившийся в молодости, скорее всего сохранится и в старости, а также возможно распространится на потомков того или иного индивида.

Главными направлениям развития концепции выступают совмещение различных технологий и продукции с креативным видением будущего, использование элементов традиционной культуры в современном искусстве, популяризация «гастрономического туризма»¹¹. Важно отметить, что фундаментальным элементом данной инициативы является экспорт товаров, услуг и медиа как один из наиболее развитых механизмов «мягкой силы» Токио.

Однако некоторые специалисты в силу организационных и финансовых проблем, с которыми страна сталкивается с начала 1990-х гг., рассматривают такой подход к продвижению культуры как неэффективный, и предлагают пересмотреть его (Iwabuchi, 2020) или отказаться от него полностью¹². При этом, несмотря на четко прослеживаемую идею соединения усилий правительства и неправительственных организаций, указанную в инициативе, большая часть исследований данной концепции рассматривает только государственные мероприятия, оставляя за скобками неправительственные усилия в рамках *Cool Japan*. Нам бы хотелось «пойти от противного» и показать на примере компании *Nintendo*, как правительство Японии использует идеи неправительственных организаций в качестве инструментов «мягкой силы» в рамках концепции *Cool Japan*.

Следует отметить, что именно японские бизнес-корпорации – гиганты вроде *Sony*, *Honda*, *Toyota* и *Panasonic* – были главными инструментами или, правильнее сказать, драйверами (движителями) «мягкой силы» страны. Так, с конца 1970-х гг. «японское» стало означать «качественное», что кардинально отличалось от того, что было еще за 10 лет до того момента, а сама Страна восходящего солнца стала приобретать черты креативного и высокотехнологичного государства, которые сохраняются до сих пор. Следуя этой традиции неправительственной «мягкой силы», корпорация *Nintendo*, с одной стороны,

¹¹*Cool Japan initiative* (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from https://www.cao.go.jp/cool_japan/english/pdf/cooljapan_initiative.pdf

¹²Harano, J. (2018, April 23). 「クールジャパン」はこんなにひどいことになっていた [“Cool Japan” has become so terrible]. Retrieved April 15, 2021, from <https://gendai.ismedia.jp/articles/-/55359>

выступает одним из мировых лидеров в области интерактивных развлечений. Являясь правообладателем и создателем таких всемирно известных серий, как *Pokemon*, *Zelda* и *Mario Bros.*, а также обширного каталога игровых устройств, компания долгие годы продвигает имидж Страны восходящего солнца как одной из наиболее креативных держав в мире. Свидетельством популярности продукции компании могут служить как официальные данные о продажах¹³, так и большое количество фестивалей и выставок, проводимых самой компанией или в ее поддержку.

С другой стороны, к текущему моменту известность *Nintendo* и степень ассоциации ее с Японией столь высока, что Токио решается на нестандартные с точки зрения традиционной дипломатии и внешней политики шаги. Так, в 2016 г. при закрытии Олимпийских игр в Рио-де-Жанейро тогдашний премьер-министр Японии С. Абэ появился на сцене в образе широко известного в мире интерактивных развлечений персонажа – сантехника Марио, созданном одним из самых влиятельных и знаменитых мировых разработчиков видеоигр С. Миямото¹⁴. Это свидетельствует о четком намерении правительства использовать результаты труда японских компаний в качестве инструментов «мягкой силы». Кроме того, это отражает и саму сущность феномена – в его построении принимают участие не только государственные, но и иные акторы, влияние которых порой превышает правительственные возможности.

Другими ответвлениями культуры как одного из показателей и инструментов «мягкой силы» являются язык и традиционная кухня Страны восходящего солнца. Продвижение японского языка в мире – сравнительно молодая сфера правительственной деятельности. Так, в 1972 г. основана *Japan Foundation* – организация, по сей день занимающаяся продвижением японского языка и культуры в мире. Показателем успешности ее деятельности может служить, во-первых, официальное число стран – 24, где *Japan Foundation* осуществляет свою деятельность¹⁵. Во-вторых, эффективность деятельности можно определить по проводимым фондом экзаменам на знание японского языка – *Japanese Language Proficiency Test (JLPT)*¹⁶. С 1984 по 2019 гг. в нем приняли участие 14967437 человек, а общее число стран его проведения достигло 87¹⁷. В-третьих, о целеустремленности данной организации свидетельствует появление новых площадок проведения экзаменов в отдаленных от центров иностранных государств регионах. Примером может служить Российская Федерация и, в частности, город Екатеринбург, где летом 2021 г. на базе Уральского федерального

¹³*Nintendo financial highlights* (n.d.). Retrieved April 15, 2021, from <https://www.nintendo.co.jp/ir/en/finance/highlight/index.html>

¹⁴Rich, M. (2016, August 22). *A morning surprise for Japan: Shinzo Abe as Super Mario*. Retrieved April 15, 2021, from <https://www.nytimes.com/2016/08/23/world/asia/shinzo-abe-super-mario-tokyo-rio-olympics.html>

¹⁵*Japan Foundation. About us* (n.d.). Retrieved April 15, 2021, from <https://www.jpfi.go.jp/e/about/index.html>

¹⁶*JLPT in charts* (n.d.). Retrieved April 15, 2021, from <https://jlpt.jp/e/statistics/index.html>

¹⁷*JLPT. Past test data* (n.d.). Retrieved April 15, 2021, from <https://jlpt.jp/e/statistics/archive.html>

университета впервые пройдет экзамен формата JLPT¹⁸. Таким образом, несмотря на последствия пандемии COVID-19, *Japan Foundation* продолжает оставаться одним из главных инструментов «мягкой силы» Японии, продвигая язык и культуру страны за рубежом.

Говоря о так называемой «гастрономической дипломатии», следует отметить относительно слабую контролируемость и одновременно высокую эффективность данного инструмента. Как отмечает в своем исследовании Ф. Фарина, в отношении этой сферы Токио придерживается курса «гастрономического национализма», т. е. продвижения пищевой культуры страны с упором на ее уникальность и значимость. Важно отметить, что популяризируется не только собственно пища Страны восходящего солнца, но и методы ее приготовления, что вместе называется «васэку» (яп. 和食) – японская кухня (Farina, 2018, p. 135–139). Однако шаги в этом направлении стали предприниматься Токио лишь с 2000-х гг. К тому моменту японская кухня была довольно широко представлена по всему миру, и японские суси и сасими уже пользовались определенной славой (Farina, 2018, p. 140–141). Поэтому, несмотря на серьезное влияние пищевой культуры и «гастрономической дипломатии» на имидж Японии, определить эффективность применения этого инструмента объективно на данный момент представляется трудоемкой задачей. Так или иначе, культура является одной из фундаментальных основ японской «мягкой силы», и потому последние 20 лет Токио предпринимает различные шаги для ее развития и продвижения. Однако у этого есть и обратная сторона. В силу чрезмерной концентрации правительственного и общественного внимания на сильных сторонах «мягкой силы» страны многие иные сферы данного явления остаются в тени до момента, когда не происходит какое-либо событие, оказывающее серьезное влияние на образ Японии в мире. К сожалению, часто подобное «незаметное» воздействие иных факторов «мягкой силы» Токио носит скорее негативный, а не положительный характер, подрывая тем самым привлекательность государства в целом. Именно об этих сравнительно слабо отмеченных в научном дискурсе «мягкой силы» особенностях Страны восходящего солнца пойдет речь далее.

Проблемы развития «мягкой силы» Японии

Начать рассмотрение проблемных элементов «мягкой силы» Страны восходящего солнца следует с наиболее явных трудностей. Одной из них выступает степень владения английским языком жителей Японии. Как отмечалось ранее, при подготовке к Олимпийским играм Токио приложил максимум усилий по развитию преподавания английского языка. Однако в силу низкой стартовой позиции меры не принесли существенных перемен к 2021 г. Так, по данным *English Proficiency Index* международного образовательного центра *English First*, непосредственно поддерживавшего Японию в ходе ее приготовлений к Олимпиаде, страна в 2020 г. занимала 9-е место в Азиатском регионе и 55-е место в мире по владению английским языком.

¹⁸JLPT 2021. *Международный экзамен по определению уровня знания японского языка «Нихонго Норёку Сикэн» (JLPT) теперь можно сдать в Екатеринбурге* (n. d.). Взято 15 апреля 2021, с <https://fir-urgi.urfu.ru/ru/jlpt/>

Следует отметить, что такой результат является проявлением наблюдаемой с 2011 г. тенденции к потере Японией позиций в данном рейтинге, которую Токио стремится элиминировать. И это неудивительно, за 10 лет страна опустилась на 39 пунктов. Региональный показатель Японии ниже, чем у КНР, а глобально Япония находится в рейтинге ниже России, Албании, Республики Беларусь и Нигерии¹⁹. Подобный взгляд на проблемы, связанные со знанием японцами английского языка, также подтверждается данными *Educational Testing Service* (ETS) – организатора экзаменов на знание английского языка форматов TOEFL и TOEIC. Однако по этим данным сама проблема не выглядит столь серьезно.

Во-первых, разрыв между экзаменуемыми Японии и КНР по статистике TOEFL за 2019 г. составляет всего 9 баллов. Во-вторых, средний балл экзаменуемых из Страны восходящего солнца равен 72 очкам из 120 возможных в той же системе. Для сравнения отметим, что средний балл жителей Албании, России и Нигерии равен 83, 86 и 79 очкам, соответственно²⁰. По статистике TOEIC за 2019 г., средний балл экзаменуемых родом из Японии составляет 523 очка из 900 возможных в секциях чтения и аудирования, что ниже показателей Российской Федерации²¹, но выше показателей Албании. Также в секции письма у японских экзаменуемых в среднем 112 очков из 200 возможных, что ниже показателя КНР на 12 очков²².

Важно отметить, что правительство Японии активно работает над этой проблемой. Так, Министерством образования, культуры, спорта, науки и технологий (MEXT) отмечается, что в 2019 г. продолжился рост уровня владения английским языком среди школьников: 44% обучающихся средней школы владеют английским языком на уровне A1 – A2 по шкале CEFR, и 43,6% обучающихся старшей школы владеют английским на уровне A2 – B1 в той же системе²³. Оба показателя в среднем выросли на 10% по сравнению с 2013 г.²⁴

¹⁹*EF English Proficiency Index. A ranking of 100 countries and regions by English skills* (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from https://www.ef.com/assetscdn/WIBIwq6RdJvcD9bc8RMd/legacy/_/~/media/centralescom/epi/downloads/full-reports/v10/ef-epi-2020-english.pdf

²⁰*TOEFL iBT. Test and score data summary 2019* (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from https://www.ets.org/s/toefl/pdf/94227_unlweb.pdf

²¹*2019 Report on test takers worldwide. TOEIC listening & reading test* (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from https://www.iibc-global.org/library/default/english/toEIC/official_data/pdf/Worldwide2019_english.pdf

²²*2019 Report on test takers worldwide. TOEIC speaking and writing test* (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from https://www.iibc-global.org/library/default/english/toEIC/official_data/pdf/Worldwide2019_SW_english.pdf

²³令和元年度「英語教育実施状況調査」の結果と今後の取組について [About the results and future of the “English Education Implementation Survey”] (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from https://www.mext.go.jp/content/20200715-mxt_kyoiku01-000008761_1.pdf; *EIKEN grades* (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from <https://www.eiken.or.jp/eiken/en/grades/>

²⁴平成25年度「英語教育実施状況調査」の結果概要 [Summary of results of the 2013 “English Education Implementation Survey”] (n. d.). Retrieved April 15, 2021,

Опираясь на эту информацию, можно предположить, что в течение ближайших 10–20 лет уровень знания английского языка японцами существенно вырастет, что позволит Токио пользоваться различными инструментами «мягкой силы» с большей эффективностью.

Одним из таких инструментов может стать индустрия туризма, чему способствуют описанные ранее инициативы. Однако на пути совершенствования владения данным ответвлением «мягких» инструментов внешней политики государства возникают как минимум два существенных препятствия: проблемы, связанные с отношением японцев к иностранцам в целом, и мигрантам в частности, а также трудности, обусловленные экологической ситуацией в стране.

Начать следует с первого вопроса, ибо он непосредственно связан с культурой как частью «мягкой силы». По данным сравнительного исследования отношения к мигрантам среди граждан Японии и Швеции японцы настороженно относятся к идее иммиграции, а также настроены негативно в отношении мультикультурализма на территории Страны восходящего солнца (Morietai, 2012, p. 143–149). Кроме того, существует предвзятое отношение японцев к иностранцам, отличающееся в зависимости от происхождения объекта этого отношения. Как отмечает К. Нагаеси, если иностранец является выходцем из стран Европы или Северной Америки, то во многих случаях его будут изначально воспринимать нейтрально-положительно. Если же иностранец является выходцем из стран Азии, особенно ее северо-восточной части, то он скорее всего столкнется с дискриминацией и негативным отношением в свою сторону²⁵.

Проследить предвзятость японцев к представителям других народов можно на примере феномена «хафу» (от англ. *half*), или «полукровок». Обычно так называют людей, родившихся в результате смешанных браков, т. е. союзов этнических японцев с иностранцами. При этом сам термин до недавнего времени носил, а в некоторых случаях продолжает носить, чрезвычайно негативный характер, и отражает некоторое презрение со стороны «чистых», «истинных» японцев к своим согражданам²⁶.

Однако следует отметить запутанный характер самого термина и отсутствие какого-либо четкого определения того, кто же такие «хафу». По мнению Н. Бредли, этот термин опирается на расовые, национальные и культурные воззрения тех или иных лиц, которые используют его либо с целью установления четкого противопоставления между понятиями «японское» и «другое», либо с целью устранения этого противопоставления, т. е. с целью «включения»

from https://www.mext.go.jp/component/a_menu/education/detail/_icsFiles/afieldfile/2014/09/03/1351570_02.pdf

²⁵Nagayoshi, K. (2017, March 1). 日本の排外意識に関する研究動向と今後の展開可能性: 紀要論文 [Research on xenophobia in Japan: What are the remained tasks for the future research: departmental bulletin paper]. Retrieved April 15, 2021, from https://tohoku.repo.nii.ac.jp/?action=pages_view_main&active_action=repository_view_main_item_detail&item_id=110320&item_no=1&page_id=33&block_id=38

²⁶Эта тема подробно раскрывается в японском документальном фильме *Hafu: The mixed-race experience in Japan* (2013). Режиссеры: Megumi Nishikura, Lara Perez Takagi.

в общество. Важно заметить, что со стороны общества и правительства ведется активная деятельность по устранению подобного довольно негативного отношения (Bradley, 2020, p. 111–117).

Подобные воззрения на присущие всем людям в целом вопросы коллективной и индивидуальной идентичности в случае Японии выражены в концепции «нихондзин-рон» (яп. 日本人論), или «теории о японцах», говорящей об уникальности Страны восходящего солнца. Известный российский исследователь Японии А. Н. Мещеряков (2015) считает эту концепцию лишенным каких-либо агрессивных черт проявлением культурного национализма (с. 287), что, судя по всему, не совсем верно, ведь идея «хафу», хоть и претерпевает определенную трансформацию в настоящий момент (Bradley, 2020, p. 117–119), опирается на те же воззрения и несет в себе деструктивный смысл, направленный на дискриминацию людей по национальным, расовым и/или культурным признакам.

Так или иначе, обе описанные выше проблемы оказывают серьезное влияние на решения людей не только об иммиграции в Японию, но и о посещении страны вообще: не каждый человек, имеющий представление о дискриминации по какому-то набору присущих ему признаков, будет готов посетить место, где эта дискриминация существует. С другой стороны, на данный момент очень малое число людей осведомлено о существовании данных трудностей, а значит, они не оказывают серьезного влияния на «мягкую силу» Токио. Тем не менее при развитии тенденции к усилению культурного измерения феномена эти вопросы непременно обретут широкую общественную огласку, поэтому уже сейчас существует необходимость проведения изменений в сознании людей и их отношении ко всему «инородному», что, следует отметить, не является уникальной чертой Японии – эта необходимость повсеместно влияет на «мягкую силу».

Далее следует сказать о сугубо внутривнутриполитических и социальных проблемах Японии, выраженных, например, в процессе функционирования демократических механизмов, что также оказывает влияние на восприятие Токио извне и может сказаться на возможностях «мягкой силы» страны в будущем.

Перед тем как приступить к рассмотрению этих факторов, следует отметить, что Япония занимает одно из лидирующих мест в мире по качеству жизни, показателям прав и свобод граждан, а также и демократичности государственных институтов. Так, по оценкам *World Justice Project* и *Cato Institute* за 2020 г., страна занимает 11-е место в мире по показателям личной и экономической свободы²⁷, а также 15-е место по показателям верховенства права²⁸, что свидетельствует о высокой степени развития демократии в Японии. Однако подобная оценка, судя по всему, игнорирует один из основополагающих механизмов демократии как системы управления – избирательный процесс,

²⁷Vasquez, I., & McMahon, F. (n. d.). *The human freedom index 2020. A global measurement of personal, civil, and economic freedom*. Retrieved April 15, 2021, from <https://www.cato.org/sites/cato.org/files/2020-12/human-freedom-index-2020.pdf>

²⁸World justice project. *Rule of law index 2020* (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from https://worldjusticeproject.org/sites/default/files/documents/WJP-ROLI-2020-Online_0.pdf

одно из самых проблемных измерений политики в Японии. Так, согласно данным японских газет *Yomiuri Shimbun*²⁹ и *Mainichi Shimbun*³⁰, в 2019 г. явка избирателей на выборах в Палату советников (верхнюю палату Парламента) составила всего 48,8%, что является худшим показателем с конца Второй мировой войны. Помимо этого, если мы обратимся к показателю явки избирателей на выборах в нижнюю палату Парламента за 2017 г., то станет ясно, что указанный выше показатель носит системный характер: по данным ИА «Киодо Цусин» в 2017 г. в избирательном процессе приняло участие 53,83% граждан, что на тот момент было вторым худшим показателем с конца Второй мировой войны³¹. Оба показателя могут быть вызваны целым рядом причин: слабая выраженность позиций партий, стихийные бедствия, ощущение избирателем отсутствия значимости его голоса и т. д. Однако они однозначно свидетельствуют о некоторой степени дисфункции демократических институтов в Японии, поскольку, во-первых, ранее данные показатели были значительно выше; во-вторых, столь малый процент проголосовавших ведет к отсутствию их политической репрезентации, что является главной целью избирательного процесса, а затем и к краху представительной демократии как таковой. В итоге все это может привести к ослаблению возможностей «мягкой силы» в силу снижения привлекательности из-за описанной дисфункции демократических институтов, причина которой остается неисследованной в науке.

Так или иначе, стремление к устранению всех вышеуказанных проблем встречает активную поддержку как со стороны правительства, так и со стороны различных корпораций и населения страны. Действительно, описанные трудности не только могут мешать использованию механизмов «мягкой силы», но и могут быть преодолены совместными усилиями людей.

Стихийные бедствия и пути распространения «мягкой силы» Японии

Однако существует целый ряд факторов, независимых от действий человека напрямую и оказывающих огромное влияние не только на привлекательность государства на международной арене, но и на удовлетворенность населения внутри страны. Речь идет о получивших с недавних пор широкую огласку экологических проблемах и последствиях пандемии COVID-19, особенно актуальных для «мягкой силы» Токио.

²⁹参院選投票率 48・80%、24年ぶり 50%割る [Voter turnout for the Upper House election falls down below 50% to 48,80% after 24 years] (2019, July 22). Retrieved April 15, 2021, from <https://www.yomiuri.co.jp/election/sangiin/20190722-OYT1T50220>

³⁰Poor election turnout a warning over Japan's crumbling democracy (2019, July 23). Retrieved April 15, 2021, from <https://mainichi.jp/english/articles/20190723/p2a/00m/0na/012000c>

³¹Voter turnout in Japan election at 54%, 2nd-lowest since WWII (2017, October 23). Retrieved April 15, 2021, from <https://english.kyodonews.net/news/2017/10/7e9b628857c2-voter-turnout-in-general-election-at-54-2nd-lowest-since-wwii.html>

В рамках борьбы с ухудшением экологической ситуации в мире хотелось бы выделить два важных направления деятельности правительства Японии. Первое концентрируется на снижении выбросов CO_2 в атмосферу, а второе – на устранении последствий аварии на АЭС «Фукусима-1» в 2011 г.

При изучении этих явлений возникает ощущение, что целью Токио является создание образа Японии как защитника окружающей среды, что, естественно, вызывает рост ее популярности по всему миру. Однако при более внимательном подходе к данному вопросу эта оценка оказывается не совсем верной, а у некоторых наблюдателей деятельность Токио и вовсе вызывает сомнения и неприятие, например, у представителей КНР, Республики Корея³² и даже Российской Федерации³³.

В 2018 г. Министерство экономики, торговли и промышленности Японии (METI) представило 5-й энергетический план, установивший достижение к 2030 г. необходимых для развития страны целей, важнейшими из которых являются:

- 1) снижение выбросов CO_2 на 26% от уровня 2013 г.;
- 2) увеличение количества источников энергии, не производящих выбросов CO_2 , на 32% от уровня 2013 г.;
- 3) увеличение количества источников возобновляемой энергии до 22–24% от уровня 2013 г.;
- 4) снижение доли выработки электроэнергии посредством ископаемых источников с 65 до 56%³⁴.

Помимо этого, план установил и стратегию действий в отношении атомной промышленности, от которой было решено постепенно отказаться, доведя уровень вырабатываемой АЭС энергии до 20–22% к 2030 г. Основопологающей идеей в рамках процесса перехода к «чистой» энергии является эффективность существующих возможностей для ее производства, что означает не полный, а лишь частичный отказ от угольных, атомных и иных видов электростанций, производящих выбросы CO_2 , а именно наименее эффективных в производстве электроэнергии.

Иным положительным процессом в этом отношении является стремление Токио перейти на использование транспорта, функционирующего при помощи альтернативных источников энергии, например, водорода. Интересно, что продвижением данного направления преимущественно занимаются японские автопромышленные ТНК, например, *Honda* и *Toyota*³⁵, что еще раз подчеркивает важность неправительственных акторов в создании образа государства.

³²McCury, J. (2021, April 13). *Fukushima: Japan announces it will dump contaminated water into sea*. Retrieved April 15, 2021, from <https://www.theguardian.com/environment/2021/apr/13/fukushima-japan-to-start-dumping-contaminated-water-pacific-ocean>

³³Пономарева, Н. (2021, 16 апреля). *Мертвая вода*. Взято 15 апреля 2021, с <https://www.interfax-russia.ru/view/mertvaya-voda>

³⁴エネルギー基本計画 [Basic energy plan] (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from <https://www.meti.go.jp/press/2018/07/20180703001/20180703001-1.pdf>

³⁵*Japan to bet big on hydrogen to meet 2050 zero-emission goal* (2020, December 8). Retrieved April 15, 2021, from <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Environment/Climate-Change/>

Однако эти усилия сталкиваются с одним противоречием. По данным объединения неправительственных организаций *No Coal Japan* на текущий момент в Японии в стадии строительства находятся как минимум 3 новых крупных угольных электростанции в префектурах Хиого, Канагава и Эхимэ, которые ежегодно будут производить 6,92, 7,26 и 2,46 мегатонн CO_2 соответственно. Кроме того, в стадии планирования находится еще одна подобная электростанция в префектуре Акита³⁶. И это при том, что в 2017 г. Министерство окружающей среды Японии четко заявило, что без отказа от строительства новых, а также и постепенного закрытия имеющихся угольных электростанций достижение вырабатываемых в то время целей, вошедших в указанный выше план, попросту невозможно, и количество выбросов CO_2 будет расти, а вместе с ним и негативное воздействие на окружающую среду³⁷.

К этой особенности процесса энергетической трансформации Японии следует добавить и абсолютно естественную для энергетики любой державы ситуацию: уход от угольной электроэнергетики сопровождается ростом использования иных дешевых источников энергии, также вырабатывающих CO_2 , но в меньших количествах, что подтверждается исследованиям *Global Carbon Project* в отношении Японии за 2020 г.³⁸ Подобное положение дел и отсутствие каких-либо продуктивных действий со стороны Токио представляются по меньшей мере странным и противоречивым поведением, которое, тем не менее, до сих пор не отмечено широкой международной аудиторией, что явно доказывает мощь «мягкой силы» Японии, чей образ «экологичной» державы остается достаточно устойчивым.

С другой стороны, с течением времени данная ситуация может оказать существенное негативное влияние на имидж Токио. Сценарий подобного развития событий может быть прослежен по ситуации вокруг сброса отработанной воды, использовавшейся при работе АЭС «Фукусима», в воды Тихого океана³⁹. Заявление правительства Японии о своих намерениях вызвало крайне отрицательную реакцию у ее ближайших географических соседей – Китая и Южной Кореи⁴⁰, а затем прокатилось волной негодования по всему миру. Несмотря

Japan-to-bet-big-on-hydrogen-to-meet-2050-zero-emission-goal

³⁶日本の石炭火力発電所新設のうねり [The extension of coal power plants in Japan] (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from <https://www.nocoaljapan.org/ja/the-problem/coal-expansion-japan/>

³⁷最近の火力発電所設置事業における手続状況等 [The status of recent thermal combustion power plant construction projects] (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from <https://www.env.go.jp/council/02policy/y0212-05/mat05.pdf>

³⁸*Global carbon project. Supplemental data of Global carbon budget 2020* (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from <https://www.icos-cp.eu/science-and-impact/global-carbon-budget/2020>

³⁹McCurry, J. (2021, April 13). *Fukushima: Japan announces it will dump contaminated water into sea*. Retrieved April 15, 2021, from <https://www.theguardian.com/environment/2021/apr/13/fukushima-japan-to-start-dumping-contaminated-water-pacific-ocean>

⁴⁰*Japan's neighbors react strongly to Fukushima water release decision* (2021, April 13). Retrieved April 15, 2021, from <https://english.kyodonews.net/news/2021/04/6789babe1165->

на заявления специалистов об относительной безопасности подобных мер⁴¹, нанесенный образу Японии ущерб не может быть быстро исправлен⁴².

Однако это не умаляет достижений Токио в области борьбы с последствиями пандемии COVID-19, относительно положительное влияние которой на образ Японии нельзя недооценивать. Так, по данным Министерства здравоохранения, труда и благосостояния за 18 апреля 2021 г., в стране с населением 126,3 млн. заболело всего 529,8 тыс. человек, 480,7 тыс. из них успешно прошли реабилитацию⁴³. Помимо этого, скорость, с которой принимались меры по противодействию заболеванию, и низкая смертность также поразили весь мир⁴⁴. В итоге ранее приведенный нами рейтинг компании *Brand Finance* поместил Страну восходящего солнца на 3-е место по общественному восприятию успешности борьбы с пандемией.

Таким образом, Токио способен использовать различные стихийные бедствия в положительном для образа страны ключе, а значит, эффективно использовать их в качестве инструментов «мягкой силы».

Заключение

Проведенное исследование показывает, что Япония по-прежнему остается одним из лидеров в области использования «мягкой силы». Являясь важной опорой внешней политики, «мягкая сила» Страны восходящего солнца позволяет ей нетривиально подойти решению тех или иных задач, встающих перед ней, стремительно создавая институциональные основы для дальнейшего, столь же скорого действия.

Можно выделить несколько тенденций трансформации «мягкой силы» Токио в обозримом будущем. Так, будет сохраняться стремление к усилению и развитию наиболее сильных сторон изучаемого феномена, что четко прослеживается в существующей внешнеполитической практике. Япония прибегает к использованию

[breaking-news-fukushima-water-release-in-line-with-intl-safety-standards-us.html](#)

⁴¹Heng, C. (2021, April 13). *Why is Japan going to dump radioactive water from Fukushima nuclear plant in the sea? What are the risks and is there an alternative?* Retrieved April 15, 2021, from <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3129412/why-japan-going-dump-radioactive-water-fukushima-nuclear-plant>

⁴²*The Japanese government's decision to discharge Fukushima contaminated water ignores human rights and international maritime law* (2021, April 13). Retrieved April 15, 2021, from <https://www.greenpeace.org/international/press-release/47207/the-japanese-governments-decision-to-discharge-fukushima-contaminated-water-ignores-human-rights-and-international-maritime-law/>

⁴³新型コロナウイルス感染症の現在の状況と厚生労働省の対応について [About the current situation of new coronavirus infection and the response of the Ministry of Health, Labour and Welfare] (2021, April 18). Retrieved April 18, 2021, from https://www.mhlw.go.jp/stf/newpage_18141.html

⁴⁴Stevenson, E. (2020, September 9). *What the data tells u about Japan's COVID-19 response*. Retrieved April 15, 2021, from <https://www.schroders.com/en/insights/economics/what-the-data-tells-us-about-japans-response/>

наиболее эффективных методов распространения собственного образа, способных достичь самых дальних уголков планеты. Опираясь на богатую культурную традицию и сложившийся вокруг страны миф, Токио продвигает уникальность своей державы при помощи различных фестивалей и выставок, созданных в качестве дополнения более влиятельным и важным с точки зрения «мягкой силы» событиям, таким как Олимпийские игры. Кроме того, активное участие в развитии феномена принимают неправительственные акторы вроде компании *Nintendo*, обладающей не только мировой славой, но и прочной связью с Японией. Все это дополняется усилиями страны по распространению своего языка по всему миру, даже если на первый взгляд подобные усилия кажутся бесперспективными.

Однако, в силу чрезмерной концентрации внимания на наиболее сильных сторонах «мягкой силы» Токио, профессиональные исследователи и обыватели часто забывают о существовании целого пласта значимых проблем, часть из которых находится в стадии активного разрешения. Так, идет повсеместное улучшение качества образования и уровня владения английским языком, что необходимо для более эффективного международного взаимодействия предпринимаются усилия по защите окружающей среды – крайне важного компонента в образе любого современного государства, продолжается борьба с последствиями пандемии COVID-19, далеко идущие последствия которой сложно предсказать. Все это является отражением тенденции к продолжению активной правительственной работы над эффективностью использования наиболее значимых инструментов «мягкой силы».

Следующей значимой тенденцией можно считать усиление парадоксального и зачастую пагубного влияния различных особенностей Страны восходящего солнца на возможности проведения «мягкой» политики за счет растущей «открытости» миру. Следует отметить неоднозначное воздействие долгое время существующего «культурного национализма», что, с одной стороны, активно используется при распространении японской кулинарной традиции в мире и создает позитивный образ Японии, с другой – может оказать негативное влияние на имидж страны в силу отношения японцев к иностранцам и мигрантам, феномену «хафу» и инородному вообще.

При этом неисследованной остается и довольно крупная часть нерешенных или недостаточно решенных проблем. Большинство из них отражают тенденцию развития возможностей «мягкой» политики – сохранение непоследовательного и противоречивого характера действий Токио, что влечет за собой негативные для образа страны последствия. Среди возможных факторов влияния на инструменты «мягкой силы» важное место занимают проблемы функционирования демократических институтов, трудности в защите окружающей среды, как в случае борьбы с эмиссией CO₂, последствия техногенных катастроф, самым ярким примером которых выступает авария на АЭС «Фукусима-1». Последнее представляется одновременно наиболее влиятельным фактором и инструментом «мягких» политических возможностей Страны восходящего солнца в силу существующего разнообразия вариантов реакции международного сообщества на любые действия в этой области.

В ходе рассмотрения именно этой составной части образа Японии, с одной стороны, складывается впечатление о прагматичном подходе Токио к внешней

политике вообще и «мягкой силе» в частности, т.к. курс развития процессов вокруг защиты окружающей среды оставался неизменным и часто противоречивым, несмотря на различные замечания как специалистов, так и обывателей извне. С другой стороны, создававшийся десятилетиями образ инновационной, экологичной, продвинутой Японии оказался достаточно устойчив под ударами изменчивого общественного мнения.

Еще одной тенденцией является стремление Токио учитывать свои ошибки и развивать меры своевременного и эффективного реагирования на различные вызовы в положительном для возможностей «мягкой силы» ключе, что может быть прослежено по ситуации с пандемией COVID-19, укрепившей положительный образ Японии в мире. В какой степени продолжают развиваться указанные тенденции, остается загадкой в силу высокой степени неопределенности финальных последствий пандемии, меняющих не только жизнь государств и их граждан, но и саму суть феномена «мягкой силы».

Однако опыт Страны восходящего солнца может и должен быть учтен любым государством, желающим прибегать к гибким внешнеполитическим действиям. Так или иначе, Япония остается едва ли не единственной державой, неспособной к использованию «жесткой силы» в достижении своих целей. Более того, как держава, когда-то вселявшая страх в своих соседей, Япония может послужить положительным примером трансформации для пребывающих в поиске своего места в мире государств. Особенно актуальным это представляется для Российской Федерации, стремящейся продвигать собственную культуру и бизнес на мировой арене и одновременно страдающей от схожих трудностей, которые Страна восходящего солнца когда-то сумела преодолеть или прилагает к этому все усилия.

Список литературы

1. Королев, В. А., Кудрявцева, С. С. (2014). «Мягкая сила» современной Японии: опыт и направления развития. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*, 9(2), 190–208.
2. Мещеряков, А. Н. (2015). Осмысление среды обитания в процессе самоидентификации Японии и японцев. *Ежегодник Японии*, 44, 266–288.
3. Мори, К., Оцука, М., Акияма, М., Хосино, Х. (2012). 移民への寛容意識に関する日本とスウェーデンの比較調査研究 [Сравнительное исследование по вопросу терпимости к мигрантам в Японии и Швеции]. *人間科学研究*, 34, 141–158. (На японском языке).
4. Русакова, О. Ф. (2013). Softpower как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии. *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*, (3), 52–61.
5. Русакова, О. Ф. (Ред.). (2015). *Softpower: теория, ресурсы, дискурс*. Екатеринбург: Дискурс-Пи.
6. Чугров, С. В. (2015). Мягкое притяжение Японии. *Полис. Политические исследования*, (6), 53–67. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.08>

7. Шакиров, Е.Р. (2014). Мягкая сила Японии. *Дискурс-Ли*, (2–3), 141–145.
8. Bradley, N. (2020). Hafu (ハーフ) group identity: Reification not liberation. *Bulletin of Nagoya University of Foreign Studies*, 7, 109–121.
9. Farina, F. (2018). Japan's gastrodiploamacy as soft power: Global washoku and national food security. *Journal of Contemporary Eastern Asia*, 17(1), 152–167.
10. Heng, Y.-K. (2014). Beyond “kawaii” pop culture: Japan's normative soft power as global trouble-shooter. *The Pacific Review*, 27(2), 169–192. <https://doi.org/10.1080/09512748.2014.882391>
11. Iwabuchi, K. (2020). Cool Japan, creative industries, and diversity. In X. Gu, M. Lim, & J. O'Connor (Eds.), *Re-imagining creative cities in twenty-first century Asia* (pp. 187–199). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-46291-8_13
12. Nye Jr., J.S. (2005). *Soft power: The means to success in world politics*. New York: Public Affairs.

References

1. Bradley, N. (2020). Hafu (ハーフ) group identity: Reification not liberation. *Bulletin of Nagoya University of Foreign Studies*, 7, 109–121.
2. Chugrov, S.V. (2015). Myagkoe prityazhenie Yaponii [Soft attraction of Japan]. *Polis. Politicheskie Issledovaniya*, (6), 53–67. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.08>
3. Farina, F. (2018). Japan's gastrodiploamacy as soft power: Global washoku and national food security. *Journal of Contemporary Eastern Asia*, 17(1), 152–167.
4. Heng, Y.-K. (2014). Beyond “kawaii” pop culture: Japan's normative soft power as global trouble-shooter. *The Pacific Review*, 27(2), 169–192. <https://doi.org/10.1080/09512748.2014.882391>
5. Iwabuchi, K. (2020). Cool Japan, creative industries, and diversity. In X. Gu, M. Lim, & J. O'Connor (Eds.), *Re-imagining creative cities in twenty-first century Asia* (pp. 187–199). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-46291-8_13
6. Korolev, V. A., & Kudryavtseva, S. S. (2014). «Myagkayasila» sovremennoj Yaponii: opytinapravleniyarazvitiya [Soft power of modern Japan: Practice and developments]. *Vestnik mezhdunarodnyx organizacij: obrazovanie, nauka, novaya e'konomika*, 9(2), 190–208.
7. Meshcheryakov, A.N. (2015). Osmyslenie sredy obitaniya v processe samoidentifikacii Yaponii i yaponcev [Comprehension of habitat in the process of self-identification of Japan and Japanese people]. *Ezhegodnik Yaponiya*, 44, 266–288.
8. Mori, K., Otsuka, M., Akiyama, M., & Hoshino, H. (2012). 移民への寛容意識に関する日本とスウェーデンの比較調査研究 [A comparative study of opinions about tolerance of immigrants in Japan and Sweden]. *人間科学研究*, 34, 141–158. (In Japanese).
9. Nye Jr., J.S. (2005). *Soft power: The means to success in world politics*. New York: PublicAffairs.
10. Rusakova, O.F. (2013). Soft power kak strategicheskij resurs i instrument

formirovaniya gosudarstvennogo brenda: opyt stran Azii [Soft power as a strategic resource and a tool for developing the national brand: The case of Asian countries]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya3: Obshchestvennye nauki*, (3), 52–61.

11. Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). *Soft power: teoriya, resursy, diskurs* [Soft power: Theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Diskurs-Pi.

12. Shakirov, E.R. (2014). *Myagkaya sila Yaponii* [Soft power of Japan]. *Diskurs-Pi*, (2–3), 141–145.

Информация об авторе

Сергей Александрович Зарянский, магистрант, Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, e-mail: zaryanskysergey@gmail.com.

Information about the author

Sergey Alexandrovich Zaryansky, Master degree student, Ural Institute of Humanities of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, e-mail: zaryanskysergey@gmail.com.